

Какихъ-нибудь три-четыре года тому назадъ мы слышали отъ него прямо-противоположное всему этому. Онъ, впрочемъ, и самъ сознается, что эти мысли его противорѣчать его прежнимъ думамъ и убѣжденіямъ. Это сознаніе мы принимали въ разсчетъ при разборѣ его выводовъ и тщательно избѣгали говорить о прежнихъ его убѣжденіяхъ.

Чѣмъ же, однако, объяснить такой крутой поворотъ въ этихъ убѣжденіяхъ? Другого объясненія такому странному явлению не находимъ кромѣ желанія смерти существующему человѣчеству. Это желаніе и есть та точка, съ которой Левъ Толстой началъ писать картину безобразій нашей жизни, это желаніе есть духъ его новой доктрины. Съ центральной точки своей доктрины объ уничтоженіи рода человѣческаго нашъ писатель пустилъ во все концы ея электрическіе токи. Что это такъ, это мы видимъ изъ того, что вся его новая философія съ ногъ до головы проникнута самымъ страшнымъ аскетизмомъ: ученіемъ о самоубійствѣ всего человѣчества. Желаніе это естественно и понятно. Слишкомъ ужъ сильно поражаетъ гр. Толстого зло, которое онъ замѣчаетъ въ нашей жизни, въ нашихъ дѣйствіяхъ, поступкахъ, нравахъ, отношеніяхъ, слишкомъ уже чувствительны его нервы къ безобразію нашей жизни, къ безцѣльности нашего существованія. И вотъ, насладивъ свои больные нервы глазъ созерцаніемъ этой нашей жизни, онъ кромѣ смерти ничего не могъ пожелать намъ. Ею, этою смертью, онъ надѣялся еще исправить, поднять насъ, показавъ ее неприкрытою, во всемъ ея страшномъ величіи, но забывъ другое—религию. Ученіе гр. Толстого о смерти противно ученію нашей христіанской религії. Оно основывается на томъ, будто бы уничтоженіе рода человѣческаго и ученіе Христа о кончинѣ міра одно и то же. Но это не такъ. Спаситель не проповѣдывалъ смерти, а училъ о жизни; человѣкъ, по ученію Его, созданъ для вѣчной жизни. Истинаю безсмертія человѣка, истинаю вѣчной жизни его проникнуто всецѣло наше вѣроученіе; истина эта очевидна и несомнѣнна для вѣрующаго, она видна бы была и въ томъ случаѣ, еслибы не излагалась прямо, какъ особый догматъ. А догматъ христіанской религії не въ уничтоженіи міра, а въ преобразованіи его. Когда къ божественному Учителю приступили нѣкоторые изъ іудеевъ и стали утверждать,